

Иллюзион / миниатюры

Category: HeKaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Иллюзион / миниатюры ИЛЛЮЗИОН

• ОПОЗДАВШИЕ НА ПОЕЗД

Братья Люмьер снимали прибытие поезда и не заметили, как он отбыл. Опоздавшие на поезд Луи и Огюст, чертыхаясь и бранясь, дотащили камеру и штатив до ближайшей гостиницы Ла-Сьота. Там заказав отдельные номера, они отужинали, выпив две бутылки «Вдовы Клико», выкурили по хорошей кубинской сигаре и отправились спать. Ночью Луи снилась «Касабланка», а Огюсту поля в Безансоне. Наутро, плотно позавтракав, они отправились на вокзал, где снова опоздали на поезд. Они вернулись в гостиницу, решили сэкономить и заказали один номер на двоих, поужинали, выпив всего одну бутылку «Вдовы», ночью спали плохо, ворочались, Луи смотрел урывками «Иваново детство», а Огюст видел ворон в небе над Безансоном. Вскочив рано утром, они наспех позавтракали и побежали на вокзал. Но снова опоздали на поезд. Изменившие судьбу мира изменили и свою судьбу. Они вынуждены были навсегда остаться в Ла-Сьоте, каждый день наблюдать прибытие поезда на местный вокзал, но так и не сесть на него. А ночами смотреть все фильмы, снятые за всю историю кино, и видеть городок своего детства. Таково было проклятие целлулоидной вечности. А может быть, её подарок. Этого они так и не решили.

• АКРОБАТ НЕ ДАЁТ ИНТЕРВЬЮ

Акробат не даёт интервью. А как его дашь после падения, когда висел без страховки под самым куполом цирка и упал вниз, на песок арены на глазах изумлённой публики?

Клоун не даёт интервью. А как его дашь, когда Рыжий перестарался и разможил загримированное лицо надувным молотом? Теперь одна лужа грима вместо белого лица.

Жонглёр не даёт интервью. Он бросает шары, как зёрна, в небо.

Руки его пусты, губы приоткрыты, взгляд не здесь. Дрессировщик не даёт интервью. В его руках яростный хлыст, сегодня ночью он будет дрессировать кордебалет. Лошадь не даёт интервью. Она скачет, как заведённая, по кругу, и мечтает о свежем сене. Наестся сена всласть и умереть. И только шпрыхсталмейстер охотно общается с журналистами. Заливает соловьём, уместно и в меру шутит, становится серьёзным и проникновенно вспоминает цирк прошлого. Он больше ничего не умеет.

• ЭТО ЧУЖАЯ ДАЧА – И ЧТО?

«Это чужая дача – и что?» – сказала Люси. Люси у нас за главную. Мы её всегда слушаем. Большого ума человек. Залезли на дачу. Дачка не под охраной. Вообще не соблазняйте людей – ставьте дачи на охрану. И никто к вам не полезет. Но я уклонился. Залезли: Люси, я, Дылда и Хромой. Каждый выбрал по комнате. Припасов нашли тьму. Даже беленькая имелась. Вопрос зимовки был решён.

По вечерам собирались в холле, играли в игры, смотрели кино – у хозяев была отличная коллекция старых фильмов из серии «Золотая эра Голливуда». Хромой классно копировал Джеймса Кэгни в «Ангелах с грязными лицами»: «Мы партнёры, Рокки, мы партнёры!» А мне больше нравился Хамфри Богарт в «Большом сне». Как он пил виски из фляжки, а на улице шёл чёрно-белый калифорнийский дождь. Но косплеить его у меня не получалось.

Всё было хорошо. Но через недели три нашей зимовки Люси перебралась ко мне. Первый раз под утро свинтила. А следующей ночью осталась и уже не уходила.

Хромой и Дылда стали как-то косо на меня поглядывать. Однажды вечером, когда Люси отошла, говорят: «Не хорошо одному, втихаря от товарищей, сладеньким баловаться. Мы тоже хотим!» Я хотел отшутиться. Но Хромой снова стал Кэгни включать и достал ствол. Я схватил шашку, что висела на ковре в гостиной, и успел рубануть его. А он успел выстрелить.

Мы лежали на дощатом полу и глядели друг другу в стекленеющие глаза. Люси вернулась, осмотрела нас и говорит Дылде:

– Пошли.

И они пошли.

А Хромой улыбнулся и прошептал:

– Мы партнёры, Рокки, мы партнёры...

Изо рта у него надулся розовый пузырь, будто он жевал баблгам, потом пузырь лопнул, и Хромой стал прям вылитый Кэгни в финале «Ревущих двадцатых».

• ЗОНТИКИ НИКОГДА НЕ ПОВТОРЯЮТСЯ

Он обожал «Шербурские зонтики». Смотрел его тысячу раз. В дни радости и во время печали, в любую погоду, в любых жизненных обстоятельствах. Евреи, будь то утрата или приобретение, рождение или смерть, говорят «лехаим» – «за жизнь», так и он всегда, по любому поводу, был готов смотреть «Шербурские зонтики». Знал его наизусть, конечно, был без ума от Катрин Денёв и восхищался музыкой Леграна. Но сколько бы он их не смотрел, всякий раз ему казалось, что зонтики в фильме – другие, что они никогда не повторяются.

Всех женщин он испытывал этим фильмом. Если не читал в глазах восторга – у них не было шанса. А поскольку истинный восторг от фильма, которому пятьдесят лет и в котором то и дело поют на французский шансон, удел немногих, неудивительно, что к сорока пяти годам он был один и оставил всякие попытки найти кого-то.

Был его день рождения, он заказал суши, зажёл свечи и поставил «Шербурские зонтики». Он ел суши, запивал белым чилийским вином, пел вместе с героями, танцевал и крутил разноцветные зонтики из личной (и не маленькой) коллекции. Он разделся, продолжая крутить и менять зонтики.

– Приди, приди ко мне, моя Катрин! Ты всё так же молода, чиста и невинна, как в тот вечер, когда я впервые увидел тебя в кинотеатре «Иллюзион»! Я постарел, у меня появился живот, морщины, одышка. А ты всё такая же! Заключение в целлулоидную вечность вечно молодая Катрин! Я твой зонтик, я всю жизнь кружился, то открывая, то закрывая тебя! Отшумят грёзы моей жизни, я отойду в землю отцов моих, а ты будешь всё такой же!

Придут другие, и ты будешь петь для них, улыбаться им, плакать и смеяться! Только зонтики вокруг тебя будут по-прежнему меняться.

И слёзы текли по его лицу, как капли шербурского дождя.

- ТИГР ПРЕКРАСЕН, НО БЕСПОЛЕЗЕН

Между ними ничего не было. Только сказки. Каждую ночь она рассказывала ему сказки, пока он не уснёт. Лекарство от бессонницы, лекарство от тоски. Ни одну он не дослушал до конца. Где-то под утро, на рассвете, он засыпал. Никогда нельзя найти границу сна и яви. Вот ты слушаешь сказку на ночь, а вот ты уже спишь и видишь сны. Очень тонкая грань. Тонкая бледная линия. Никогда нельзя найти границу любви. Вот ты слушаешь сказку на ночь, а вот уже смотришь на губы, которые её рассказывают, и перестаешь слушать, слова проскальзывают мимо, и ты ловишь только движение губ, как в немом кино.

Тигр прекрасен, но бесполезен. Им можно любоваться, но близко лучше не подходить. Лениво сказала она и потянулась. Дальше он ничего не помнил. Опять уснул, видимо. Она обречена рассказывать, а он обречён слушать и засыпать. Её сказки прекрасны, но бесполезны, как тигр. Надо проснуться и отрубить ей голову, решил он во сне. Хватит, тысяча сказок, тысяча бесполезных ночей, сколько можно?

Жаль только, что когда он проснётся, снова забудет о своём решении.

- ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ РАЗМЕР НОГИ

У японок очень маленькие ступни. У Минори был тридцать пятый размер ноги. Миниатюрная ступня, которую я так любил брать в руку. Минори означает «красивая гавань». Она была страшной сладкоежкой. Вечером за просмотром фильма она могла съесть целый пакет конфет и пойти за вторым. У неё были длинные ресницы, чёрные волосы могли укрыть всю наготу, и она всегда уходила на рассвете.

Я не сразу понял, кто она. А когда понял, уже привязался к

ней. Ну и что, что призрак? Зато такая маленькая ступня. Мужчины любят обсуждать женщин. Тебе кто больше нравится, брюнетки или блондинки? С маленькой грудью или большой?.. Обсуждают всё, минуя главное. Ступни! В них вся сила женщины. В них вся соль.

Минори была вылеплена как будто лично для меня. Словно гончар снял мерки с моего сердца, и вот, пожалуйста, ваш личный заказ готов. Персональный призрак.

Мы сидели на кухне и пили чай. Было мирно, как всегда после любви. Чай был с чабрецом. Было так хорошо, что мы молчали. И тут я сделал ошибку. Свою первую ошибку с Минори, оказавшуюся роковой.

— Расскажи про себя, кем ты была? Как ушла?

Она внимательно и чуть удивлённо посмотрела на меня.

— Бедный! Ты думаешь, что призрак это я? Милый мой малыш, призрак это ты. Это ты, а не я, приходишь ко мне в сумерках и уходишь на рассвете. Это ты мне расскажи, кем ты был, как ушёл и почему возвращаешься?

• ТРОЕ В ДВЕРНОМ ГЛАЗКЕ

Был такой старый французский фильм «Троих нужно убрать» с Аленом Делоном. Детектив с жестокими убийствами. Одного застрелили прямо в глазок, в который он решил предусмотрительно посмотреть, прежде чем открыть дверь. Мол, кто там? А там твоя напрасная смерть.

Обо всём этом я подумал, когда позвонили в дверь. Я никого не ждал, да и время было позднее.

«Кто там?» — спросил я. В ответ — тишина. Я с опаской — в голове всё крутились кадры из фильма — заглянул в глазок. В дверном глазке стояли трое в длинных стильных плащах и шляпах с широкими полями.

— Кто вы? Что вам нужно? — в ужасе спросил я.

— Кончайте маскарад, Халесин! — увесисто произнёс один из них.

— Что вы говорите?! Я ничего не понимаю! Какой Халесин?! Какой маскарад?!

— Не откроешь ты, откроем мы! — вступил в разговор второй. — И

это будет хуже.

– Вы не имеете права! – затрепетал я.

– Мы право имеем, а ты тварь, дрожащая за дверью! Открывай!

– Слушайте, я, правда, не понимаю, в чём дело... Я не знаю никакого Халесина! Честное слово!..

– Это не его голос. Это не он, – вдруг сказал третий, снял шляпу и отёр капли пота со лба платком цвета тёмной запёкшейся крови. На его лице промелькнули страдание и безысходность. Но что можно с уверенностью разглядеть в дверной глазок?

Троица переглянулись и, не сказав больше ни слова, ушла.

Иногда ужас и Кафка стучатся к тебе по ошибке. А может быть, ты просто видишь будущее гадательно, сквозь тусклое стекло дверного глазка.

• БЕЛОЕ НА КРАСНОМ

Когда застрелили Филиппа, его кровь вытекла на кафель. Большая лужа крови. Алина зашла на кухню со стаканом молока, вскрикнула и уронила стакан. Он разбился, и молоко пролилось на кровь. Первые секунды белое смотрелось на красном очень выразительно. Но потом всё смешалось, и кровь победила молоко, окрасила в красное, получилось, скорее, розовое. Филипп, кстати, любил розе, всегда пил розовое шампанское.

За что его убили? Банальная история долга, мести и любви. Он был должен боссу, трахал девушку босса и убил лучшего массажиста босса, потому что тот, в свою очередь, убил его кузена. На что надеялся Филипп, не понятно. Он был, конечно, счастливчик, все его так и звали – Филипп Счастливый, но не до такой же степени.

На дело отправили Резкого Славу. Когда Филипп его увидел, сразу всё понял. «Только не в лицо, Резкий, прошу, не хочу, что бы меня хоронили в закрытом гробу, пусть моя мама полюбуется мною напоследок!» Слава Резкий кивнул и выстрелил ему прямо в лицо, он не любил Филиппа. Филипп был красивый, остроумный и везучий. Всего этого не хватало Славе Резкому. Когда зашла Алина и выронила стакан молока, Резкий от неожиданности выстрелил и в неё. Это была ошибка. Алина – была

девушкой босса, той самой с которой крутил шашни Филипп. Через два часа Слава уже трясся в автобусе на Кострому. По дороге он вспоминал свою жизнь, и из темноты за окном на него смотрел и улыбался Филипп, Алина и ещё полтора десятка мертвецов.

В Костроме Слава сел на теплоход и поплыл вниз по Волге, где след его теряется.

• СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ВТОРОГО

После мощного дебюта, он снял очень скромный второй фильм. Что-то в нём было, конечно, но это что-то было очень скромным и держалось исключительно на успехе первого. Он впал в депрессию. Его хвалили, но он не верил в их искренность.

Взяв бутылку виски, он засел дома, отключил телефон и стал пересматривать свой любимый фильм «Скромное обаяние буржуазии». И чем дольше он пил и чем дольше смотрел Бунюэля, тем больше понимал, какое унылое говно он снял.

В этот момент, не дозвонившись по телефону, к нему приехала ассистентка, которую он иногда потраховал, и стала настойчиво звонить, а потом стучать в дверь. Он не хотел сейчас видеть ни её, ни кого-либо другого, не хотел ни утешений, ни секса (что в принципе, порой или всегда, одно и то же), особенно с ней.

– Открой, я знаю, что ты там! – не унималась ассистентка. – Пьешь виски и смотришь Бунюэля!

Он не выдержал:

– Дура, я смотрю Тарковского! – крикнул он ей через дверь.

– Не смеши! Тарковского он смотрит!.. Ты смотришь Бунюэля! «Скромное обаяние буржуазии»! И пьёшь «Лафройг квотер каск»! Я хорошо тебя знаю!

Он посмотрел на зелёную бутылку и отпил из горла пропахшей дымом огненной воды с острова Айла.

– Да! Я пью «Лафройг квотер каск»! И смотрю Бунюэля! Но дверь не открою! Пошла к чёрту!

– Слушай меня внимательно, придурок! Твой фильм отобрали в Канны!

Он замер с бутылкой в руках и подошёл к самой двери.

– Это унылое говно?
– Да!
– Моё унылое говно?... В Канны?
– Да!!!
– Они что, сошли с ума?!
– Да! Весь мир сошёл с ума. А теперь открой мне дверь.
Когда она его увидела, на его лице уже играла скромная улыбка.

• ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА

Монахи ордена «Пятой печати» в одном из отдаленных монастырей жили исключительно своим трудом: огороды за обветшалой стеной, пасека и небольшая винодельня. Паломников не жаловали и даже относились к ним враждебно, насколько это могут позволить себе монахи.

Монахи охраняли Зеркало заднего вида. В обычном зеркале можно увидеть себя. А в Зеркале заднего вида – того, кто стоит за твоей спиной. У обычного человека – это ангел и бес. У грешника – тьма бесов, а ангела нет: человек прогнал его своими делами. У святого – ещё больше бесов, все норовят его свернуть с прямого пути, но есть и ангел, который не отошёл от него, лицо ангела светло. Также видно в этом зеркале всё, что человек сделал за свою жизнь, все его деяния.

По одному древнему пророчеству в конце времён в монастырь должен прийти некто, который посмотрит в Зеркало заднего вида и не увидит там ничего. Одну пустоту. Тьму над бездною. И войдёт он в эту тьму, и стрелки часов повернут вспять. Люди начнут молодеть и возвращаться в утробы своих матерей. Семя отцов вернётся в их чресла. Мир свернётся, как свиток. Останется одно лишь Зеркало заднего вида. И отражение в нём будет пусто и безвидно, как в начале времён.

• ПЕРВЫЙ ВСТРЕЧНЫЙ

Я в купе один. Скоро подсядут, наверняка. Но пока я один. Поезд только тронулся. Проводница принесла чай и улыбнулась. Горячий чай дребезжит в подстаканнике. Я смотрю за окно. Мир набирает скорость и резкость. Потом его закрывает первый

встречный. Их будет ещё много на моём пути. С некоторыми будем стоять на станциях и полустанках. С другими стремительно расходиться в разные стороны по параллельным кривым. В моём купе появится первый пассажир, второй, третий, потом одного из них сменит четвёртый... С некоторыми мы разговоримся и даже выпьем водки. В конце, недалеко от пункта назначения, я снова останусь один. Когда будет совсем чуть-чуть, поезд остановится. Я выйду в коридор, увижу, как постарела проводница.

– Дальше поезд не пойдёт, сдайте бельё и посуду, – скажет она. Посмотрит в блокнот и добавит:

– У вас долг семьсот двенадцать рублей.

Я расплачусь и выйду. Рядом будь река с одиноким рыбаком на резиновой лодке.

– Далеко до города?

– Прилично! Могу подвезти.

Я сажусь в лодку, и рыбак везёт меня на тот берег, а я вспоминаю с чего всё началось и первый встречный на моём пути.

Об авторе: ЕВГЕНИЙ СУЛЕС

Актёр, телеведущий, писатель. Публиковался в журналах «Октябрь», «Знамя», «Искусство кино» и др. Лауреат премии «Антоновка» в номинации «Драматургия». Автор книг «Сто грамм мечты» (длинный список «Большой книги»), «Мир виски и виски мира», «Письма к Софи Марсо». Сооснователь клуба ЛЖИ (Любителей Живых Историй). Родился и живёт в Москве. Neкаýalar